

том, что вопрос только начинается там, где авторы поправки думали закончить его. С ясной научно-отшлифованной концепцией программы в голове, уверенный в себе, в своих знаниях, в своей силе, с веселым ироническим огоньком в глазах, с колкими и тоже веселыми усами, с чуть-чуть театральными, но живыми и выразительными жестами, Плеханов, сидевший председателем, освещал собою всю многочисленную секцию, как живой фейерверк учености и остроумия. Отблеск его вспыхивал обожанием на всех лицах и даже на лицах оппонентов, где восторг боролся со смущением“.

VI. Как и почему разошелся Плеханов с большевиками?

Казалось бы, что все то, чему учил Плеханов, сплошь большевистское учение.

Плеханов боролся за материализм. Но разве за материализм не боролся Ленин? Ленин написал в защиту материализма прекрасную книгу и в ней выступил самым решительным образом против всех, даже бывших своих товарищей по партии, даже бывших членов ЦК (Богданова и др.), которые свихнулись с дороги материализма. Борьба за материализм была все время задачей большевизма.

Плеханов защищал и разъяснял марксизм. Плеханов защищал идею классовой борьбы против соглашателей. Но разве большевизм (ленинизм) не сложился исторически именно на борьбе против извращения марксизма, против соглашателей?

Большевизм в том именно и состоит, чтобы вести рабочих по революционному пути и смертельным боем бить всяких соглашателей, которые сбивают рабочих с этого революционного пути.

Плеханов стоял за диктатуру пролетариата. Но разве большевизм в Октябрьскую революцию не осуществил на деле диктатуру пролетариата? Ведь советский строй есть строй диктатуры пролетариата.

В чем же дело? Почему же, сходясь в основах марксизма, Плеханов расходился с большевиками в практических действиях.

Две основные причины вызывали это. Первая: Плеханов был хорошим теоретиком, но не всегда был хорошим тактиком, т.-е. теоретически он мыслил правильно; вехи расставлял верно. А когда нужно было вести в бой, организовывать силы, строить ряды, тут он делал ошибки и временами очень вредные.

Возьмем революцию 1905 г. Теперь уже всякому известно, что не будь восстания в 1905 г. не прошло бы победоносно восстание 1917 года; теперь уже все мы знаем значение этой революции, как подготовки социальной революции 17 г.

А Плеханов в 1905 г. метался, не зная, какую тактику посоветовать; он, который в 90-х годах метал громы и молнии против соглашателей, когда загремели выстрелы 1905 г., стал советовать рабочим „согласиться“ с буржуазией, чтобы свергнуть „общими усилиями“ царя. Он, который все время доказывал контр-революционность буржуазии, необходимость классовой борьбы пролетариата против нее, в 1905 г. убеждал „поддержать“

либералов, сократить свои революционные требования, отказаться от вооруженного восстания. И в 1906 г., когда восстание было залито царем в крови, из-под его пера вылилась фраза: „не надо было братья за оружие“! Теперь уже всякий комсомолец, даже юный пионер, знает, что в 1905 году за оружие надо было братья; что это было первое действительно революционное и действительно массовое выступление рабочих (а по деревням—крестьян); что в этом бою закалились силы революции. А теоретически безупречный марксист Плеханов пишет: „не надо было братья за оружие“!

Плеханов был хороший теоретик, но не всегда хороший тактик (практик).

Почему?

Тут выступает вторая причина: Плеханов был слишком оторван от русской действительности. Из биографии его мы видели, что он еще в молодости, еще в начале своего непосредственного знакомства с рабочими должен был оставить Россию и эмигрировать за границу. И как ни был гениален Плеханов, но это отсутствие живой, непосредственной связи с рабочими организациями и революционным движением в России в течение целых 37 лет не обходилось бесследно для его практической работы. Учить теоретически Плеханов умел и мог. Но руководить практическим движением ему было труднее. Если он и видел непосредственно, своими глазами рабочее движение, то только за границей. Он наблюдал его во Франции; у него установились дружеские отношения с руководителями французского движения,

Но он имел перед собою европейские образцы и на русское рабочее движение смотрел сквозь европейские, чаще всего французские очки.

Именно это объясняет главное расхождение Плеханова с большевиками—его отношение к войне, к Советской власти и к Октябрьской революции.

Мы уже видели, как выступал Плеханов против восстания 1905 г., как он держал курс на соглашение с буржуазией.

Почему он, прекрасный теоретик, совершил такую крупную, недопустимую ошибку в этом вопросе? Потому что в коренном вопросе—о движущих силах русской революции—он обеими ногами стоял на меньшевистской точке зрения. А меньшевики (и даже все, кто хоть сколько-нибудь сбивается на меньшевистскую линию) никогда не могут понять и не поймут,— что движущие силы революции у нас—пролетариат и крестьянство, а буржуазия—движущая сила контр-революции.

Непонимание роли крестьянства — смертный грех меньшевизма, от которого он прежде всего погиб; невнимание к роли и значению крестьянства всегда сбивает с правильной позиции даже товарищей, в общем близких к большевистской точке зрения; непонимание роли крестьянства, значения союза рабочих и крестьян—основная ошибка тактических (практических) взглядов Плеханова. Оторванный надолго от непосредственного участия в русской работе, прекрасно умевший расставлять теоретические „вехи“, Плеханов оказался не в состоянии разобраться в отличительных особенностях именно русской революции, т.-е. революции, проис-

ходящей, в отличие от европейского образца, который имел перед глазами Плеханов, в стране отсталой, с подавляющим преобладанием крестьянского населения; в стране, где живы были пережитки полукрепостнического строя, диктатуры „дикого помещика“. Кто не понимает роли крестьянства в русской революции—тот обречен на ошибки. Обречен был и Плеханов (психологически эта недооценка значения крестьянства у Плеханова может быть объясняется и разочарованием его, старого народника, бывшим опытом „хождения в народ“; об этом тогдашнем разочаровании недавно в одном из еще не изданных документов рассказывает единственный оставшийся в живых брат Г. В., Николай Валентинович Плеханов, который вместе с ним „ходил в народ“ в молодости).

В меньшевистской позиции Плеханова по вопросу о движущих силах русской революции лежит корень всех его разногласий с большевиками, тех разногласий, которые привели к прямому расхождению его с большевиками, в разные лагеря, во время империалистической войны.

Только меньшевистская порча, только недостаточное знакомство с русской действительностью, только влияние европейской социал-демократии (особенно личная дружба и связь с французскими социалистами, во главе с Гедом) могли привести к тому, что Плеханов, раньше на всех международных конгрессах державший прекрасные теоретические речи в духе интернационализма, во время войны практически скатился до самого доподлинного социал-патриота. Мы уже видели, как держал себя Плеханов на международном конгрессе, во

время японской войны, как жал он руку японскому социалисту. Мы видели, как теоретически одобрял Плеханов вооруженную помощь немецких солдат, чтобы свергнуть царизм. А во время империалистической бойни, которая, как теперь уже известно всем поголовно, велась ради прибылей капиталистов и славы самодержавия, он провозгласил „войну до победного конца“; он создал организацию „Единство“ для объединения всех социал-патриотических сил в стране.

Здесь „другим концом“ сказала основная черта Плеханова: он был последователен и шел всегда до конца. Страстно и до конца он боролся со всеми, кто отрицал или хотел подменить теорию Маркса; страстно и до конца он боролся с народниками.

Страстно и до конца скатился он в вопросе о войне, об интернационализме, раз сделав первую ошибку, признал необходимость „обороны отечества“. И трагична по времени была его кончина: он умер 30 мая 1918 года, т.-е. как раз после Брестского мира, который для всех патриотов казался неслыханной капитуляцией перед Вильгельмом, но который фактически оказался великим маневром, давшим нам передышку и спасшим советскую власть; германская революция разорвала „Брестский мир“, как ненужную бумаженку, и бросила его в историческую корзину.

Как отнесся бы Плеханов к советской власти, особенно теперь, после всех ее успехов,—сказать никто не может.

В Октябрьскую революцию и теперь, за эти годы социалистического строительства, мы выполнили многое из того, о чем писал Плеханов.

Прежде всего мы работали по Марксу; а ведь не кто другой больше Плеханова не потрудился над доказательством того, что учение Маркса единственно революционно и единственно истинно.

Мы разогнали, против м-ков, с-ров и всей „демократии“, учредительное собрание.

Но не кто другой, как сам же Плеханов говорил на 2-м съезде партии: „Каждый данный демократический принцип должен быть рассматриваем не сам по себе в своей отвлеченности, а в его отношении к тому принципу, который может быть назван основным принципом демократии, именно к принципу, гласящему, что *salus populi suprema lex*. В переводе на язык революционера это значит, что успех революции—высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться. Как личное свое мнение, я скажу, что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения указанного мною основного принципа демократии. Гипотетически (т.е. предположительно) мыслим случай, когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права. Буржуазия итальянских республик лишала когда-то политических прав лиц, принадлежавших к дворянству. Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов,

подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его политические права. О пригодности такой меры можно было бы судить лишь с точки зрения правила *Salus revolutiae suprema lex*, т. е. благо революции—высший закон. И на эту же точку зрения мы должны были бы стать и в вопросе о продолжительности парламентов. Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент—то нам следовало бы стараться сделать его долгим парламентом; а если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели“.

Так говорил Плеханов в 1903 году. Так сделали большевики в 1917 г., т. е. разогнали учредилку.

Мы строим социализм (коммунизм). Но ведь борьбе за социализм Плеханов посвятил всю свою жизнь!

Мы основали Коминтерн. Но ведь Плеханов больше всего любил и рекомендовал „Коммунистический Манифест Маркса и Энгельса“, написал к нему прекрасное предисловие, одно из лучших произведений Плеханова. А „Коммунистический Манифест“ до сих пор остается платформой Коммунистического Интернационала.

На прежних конгрессах он всегда выступал против патриотизма, за интернациональную дружбу трудящихся всех стран. А Коминтерн тем и велик, что идею интернациональной дружбы, солидарности он вывел из полосы болтовни, красивых

слов, и перевел в действительную борьбу трудящихся всего мира против капитала.

Все это говорит за то, что Плеханов должен бы был понять нашу борьбу и наши идеи. И тем более он должен бы был понять это, когда увидел бы, в каком соседстве он очутился против нас. Самое гнусное, ренегатское (т. е. оплевывающее свое революционное прошлое), как Алексинский; самое махрово-монархическое и черносотенское — так называемая „демократия“ Милюковых и компании; дурачки и пешки в руках черносотенцев и проходимцев — меньшевики и эсеры — ведь вот кто стоит в лагере против нас. Политическая брезгливость заставила бы Плеханова бежать из этого стана контр-революционного черного воронья и бежать в наш стан, где теперь соединилось все, что есть только честного и мыслящего не только в нашей стране, но и во всем мире. Преодолеет ли бы Плеханов свою меньшевистскую порчу, свои европейские предрассудки и симпатии, обиды, которые в пылу борьбы нанес ему восставший к свободе пролетариат (у Плеханова, в связи с организацией им группы „Единство“ был произведен обыск)? Вот вопрос, на который едва ли кто возьмет на себя смелость дать категорический ответ.

Во всяком случае российский пролетариат, начавший борьбу вместе с Плехановым и под руководством его, кончивший восстание без Плеханова и отчасти против него, будет вечно чтить память первого основоположника марксизма на русской почве, неутомимого, страстного борца за марксизм на международной арене.

Плеханов основал партию рабочего класса. Он дал ей программу. Он заложил фундамент крепости марксизма на русской земле. Он дал ряд основных, ценнейших теоретических указаний, как бороться рабочему классу за дело социальной революции. Он защищал мировую революцию от буржуазных развратителей рабочего класса.

Сочинения Плеханова будут тщательно изучаться еще многими поколениями, как настоящие книги по марксизму. Правильно сказал Ленин: „нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы не изучать, именно изучать все, написанное Плехановым по философии, ибо это — лучшее во всей международной литературе марксизма“.